

Александр КАРПЕНКО (РОССИЯ)

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Композитор, автор-исполнитель, телеведущий, конференсье, ветеран-афганец. Родился в 1961 г. в Черкассах. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор восьми книг стихов и прозы. Член Союза писателей России, Южнорусского Союза писателей, Союза писателей XXI века, а также Российского отделения Международного ПЕН-клуба. Участник литобъединения ДООС. Лауреат премии им. Н. Островского за 2016 год. Лауреат премии журнала «Дети Ра» за 2014 и 2015 годы. Лауреат премии журнала «Зинзивер» за 2012, 2013, 2015 и 2017 годы. Дипломант Международной премии «Писатель XXI века» в номинации «Поэзия» за 2015 год. Автор и ведущий телепрограммы «Книги и люди» на «Диалог-ТВ». Живёт в Москве. Страница в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/authors/k/akarpenko>. Страничка в Википедии: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карпенко,_Александр_Николаевич.

НОНКОНФОРМИЗМ ИВАНА ЕЛАГИНА

К столетию со дня рождения

1 декабря 2018 года любители русской словесности отметили столетие со дня рождения Ивана Елагина. Хочется подробнее остановиться на жизни и творчестве этого замечательного русского поэта. За последние годы многое изменилось в жизни нашей страны. Сформировалось духовное пространство, которое Вера Зубарева метко окрестила «русским безрубьем». Десятилетия оторванности русской зарубежной культуры от родной земли канули в безвозвратное прошлое. Теперь мы говорим о творческом наследии Елагина в едином информационном пространстве, синхронно с нашими западными коллегами. Остановлюсь вкратце на биографии юбиляра. Он родился во Владивостоке на сломе времён, в далёком и отнюдь не мирном 1918 году. В детстве будущему поэту пришлось много путешествовать. Он сменил множество городов и стран проживания. Некоторое время жил даже в Китае. Юный Иван Матвеев, будущий Елагин, рано почувствовал силу своего поэтического слова. Он едет из Киева, где тогда проживал, в Ленинград на аудиенцию к Анне Ахматовой. Ахматова приняла юного поэта не слишком любезно. Но это было связано с её личными обстоятельствами (арестом сына Льва). Однако потом, уже за границей, Елагину писали, с выражением признательности, Бунин, Солженицын, Бродский. Его стихи включил в знаменитые «Строфы века» Евгений Евтушенко. Его поддерживали, его творчеством восхищались.

Ивана Елагина можно отнести к «поэтам судьбы». В нём, несомненно, «дышат почва и судьба». Другое дело, что все стержневые события жизни поэта словно бы спрятаны, замаскированы. И, конечно, значительная их часть приходится на первую половину жизни. О каких-то эпизодах долгое время не принято было распространяться, чтобы они, не дай Бог, не бросили тень... Страшным ударом для десятилетнего мальчика стали арест и ссылка его отца, поэта-обэриута Венедикта Марта (Матвеева).

...И пока океаны
Миражи все свои не растратили,
Человек всё стоит у каштана,
А вокруг человека приятели.

И над ним распростёрта
Та ветка – шумит, как шумела.
Воскрешение мёртвых –
Наше общее с деревом дело.

«Человек у каштана – это отец поэта Венедикт Март», – пишет в предисловии к двухтомнику Елагина Евгений Витковский. Отец для молодого Ивана был гораздо больше, чем просто предок. Он открыл молодому человеку что-то важное, духовное, стержневое. То, что потом не покидало Елагина до самой смерти. Скажу парадоксальную вещь: то, что рассказал Венедикт Март в памятную звёздную ночь своему сыну, возможно, было Словом всей его жизни. И это Слово способно перевесить всё им написанное и утраченное в сталинских лагерях.

Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой,
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звёзд.

«Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зелёные моря!
Чтоб земные горести, как выпя,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!

Это же описание посвящения! Отец посвятил сына в тайны мироздания. И звёзды над головами отца и сына были посланцы святого духа! Так родился поэт Иван Елагин, хотя на момент посвящения, возможно, он ещё не написал ни одной строчки – это придёт к нему позднее. Канал связи с живым космосом открылся у поэта словно бы сразу в две стороны, вверх и вниз – «точно кто-то выбил днище».

Мать Елагина Серафима Лесохина после ареста отца была отправлена в психиатрическую клинику. Мальчик стал беспризорником. Его разыскали и отправили к отцу, в ссылку. Через некоторое время Венедикт Март был опять арестован, объявлен японским шпионом и расстрелян, а Елагин с молодой женой, поэтессой Ольгой Анстей, остался в оккупированном немцами Киеве. Далее следует беспрецедентный побег двух молодых людей на запад, «поезд, крадущийся воров»... Испытаний, выпавших на долю Ивана Елагина, хватило бы на несколько жизней. Позже он попытается вспомнить свои приключения в поэме «Память». Возможно, эта поэма – не самое выдающееся произведение Елагина. Но именно благодаря ей мы теперь знаем некоторые подробности из его биографии.

Иван Елагин – поэт универсальный. Ему одинаково хорошо удаются и социальные произведения, и эпические, и лирические. Поэты, которые не пишут прозу, все свои художественные идеи реализуют в стихах. Из цветущего разнообразия избранной лирики Елагина наиболее удачными представляются мне длинные стихотворения со смысловыми модуляциями. И. Елагин – поэт фонетический. Оркестровка его стихов высокопрофессиональна. Он никогда не употребит «лишнюю» букву (!), если это снизит звучание текста. Вот яркий пример такой «фонетической правды» из стихотворения «Звёзды»:

Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потом что знаем: неба нет.

Почему же Елагин говорит «подыдем», а не «поднимем»? Да потому, что рифма здесь – «дымом». Есть такое врождённое качество – абсолютный поэтический слух. Столь же требовательной и привередливой к звучащему тексту была Марина Цветаева. Ивана Елагина можно назвать «шестидесятником зарубежья»: поэтический звук имел для него огромное значение!

Двухтомное собрание сочинений, подготовленное Е. Витковским, представляет творческое наследие Елагина наиболее полно и объёмно. Мне близки метафорические стихи поэта. Сам Елагин очень любил стихотворение «Звёзды». Это, в сущности, маленькая поэма. Звёзды, которые у другого поэта, возможно, были бы банальностью, у Елагина

обрастают мощью эзотерической символики. Поэт словно бы идёт за поздним Осипом Мандельштамом периода «Стихов о Неизвестном солдате», когда тот, по его собственному признанию, «наплывал» на русскую поэзию. И в «Звёздах», и в «Доме на слом» Иван Елагин создаёт апокалиптические картины крушения мира. Причём стихи эти были написаны уже в относительно благополучной эмиграции. Поэт пристально следит на всем, что происходит в Советском Союзе. Например, в Москве поставили памятник Маяковскому. Молодые поэты стали дружно читать у памятника стихи. И Елагин тут же отзывается на это событие стихотворением «У памятника Маяковскому» – парадоксальным взглядом на то, что из молодых восторженных поэтов получают порой «динамитчики» – Перовские и Кибальчичи. По соединению эпического, лирического и социального, по вниманию к звуку, пожалуй, ближе всех к Елагину из советских современников – Евгений Евтушенко. Лучшие строки Елагина напряжены; в них, то и дело, попадаются сюрреалистические вкрапления.

... Только сердце непременно
Хочет всё на старый лад –
Там, где выломлены стены,
Люди в воздухе висят.

При всей своей трагичности и серьёзности (а Иван Елагин, прежде всего – поэт трагический), есть у него в стихах и едкая самоирония. Например, он пишет о купании в ванной:

Занавеска над ванной, как парус.
А я в ванне сижу и купаюсь.

... Я министр без штанов и портфеля,
Простофиля и пустомеля...

Замечательное чувство юмора! Мы словно бы ощущаем присутствие поэта рядом с нами. И понимаем: он – не только ритор, пророк и глашатай. Он – прежде всего, великий жизнелюб, которому ничто человеческое не чуждо. Елагин признаётся в одном из своих стихотворений, что пишет «глазным нервом». Зрительный ряд имел для него первостепенное значение.

Есть у него сквозная тема в творчестве – разоблачение бесчеловечности сталинского режима. В этой теме он естествен и пронзителен. Он решает лирическими средствами критическую задачу. Может быть, в русской поэзии вообще никому не удалось решить её так ярко и выпукло. Наверное, нужны были свобода слова и отстранённость взгляда с «другого берега», чтобы стихи о государственном терроре в

СССР прозвучали столь убедительно. Елагин находит вескую причину забвения былых трагедий: это вездесущее и неумолимое время. Дистанция делает преступления давно минувших дней музейными экспонатами:

Когда-нибудь страшные русские были
Представят в музеях. Как школы и стили.
Расплещут великую кровь по картинам,
А критики звать её будут кармином.

Иван Елагин – поэт искренний и естественный. В последние годы в его жизни почти нет значительных событий – но он, тем не менее, всё время пишет. «Устал я звёздно звенеть стихами» – признаётся он. Каждый год жизни словно бы всаживает свой «нож» в тело поэта. Он представляет себя футбольным мячом, забитым в ворота вселенной со штрафного удара. То и дело проявляется в лирике Елагина – «по наследству», через творчество отца – особый метафоризм обэриутов.

В тяжёлых звёздах ночь идёт,
И город в новый снег наряжен.
И вот уже минувший год,
Как нож, по рукоятку всажен.

Мы видим, что трагика в мироощущении поэта не всегда связана с текущей жизнью; оно – изначально трагическое. Ощущение брошенности, покинутости, недолюбленности у Елагина – с самого раннего детства.

Уже к ножу питаю нежность,
Уже собой не дорожа,
Я пью за остроту и свежесть,
За дружбу розы и ножа.

Вот так и рождаются настоящие поэты – на стыке «тяжести и нежности». Со времени бессрочной разлуки с отцом Иван Елагин занят «фёдоровским» делом воскрешения мёртвых. И начал он, естественно, со своего родного отца. Елагин узнаваем по короткой, но густо зарифмованной строке, по интонационным сдвигам в строфике. Традиционный стих у него, если вслушаться и взглядеться, вовсе не так традиционен. Часто дольник или даже раешник «рвут» у него силлаботонику, придавая стихам более жёсткое, но, вместе с тем, мелодическое звучание. На мой взгляд, он перенял через творчество отца многие начинания обэриутов, и, оставаясь в рамках классического стиля, прививал себе элементы неоавангарда. С удивлением нахожу порой тропы Ивана Елагина у современных авангардистов и

метаметаристов, например, у Парщикова и Кедрова. Я объясняю это тем, что все они черпали из одного источника – у обэриутов.

Как любой незаурядный человек, Иван Елагин писал подчас нервно и неровно. Неровно – по отношению к лучшим своим стихотворениям. «Звёзды» видятся мне вершиной творчества Елагина. «Мира металлическая грязь» преследовала поэта и на чужбине. Русский язык тоже был, можно сказать, космическим каналом связи с Родиной. Поражает разнообразие творческого диапазона поэта, даже в пределах его гражданской лирики. Поэт то выписывает прошлое в мельчайших деталях, то, наоборот, ударяется в метафизику, где каждая деталь норовит стать символом. В чём, на мой взгляд, ценность гражданских стихов Елагина? Несмотря на их бескомпромиссность, поэт не безапелляционен в своих мыслях, у него много тонких рассуждений.

Иван Елагин много размышляет о смерти и бессмертии. Сама жизнь «провоцировала» его на подобные размышления. Смертен даже камень – утверждает Елагин. Живая плоть человека и гранитная плоть камня подвержены одной и той же участи! Бессмертна только «ширь пространства» – так говорит поэт. Он хорошо сознаёт, что уже занял своё место в анналах русской поэзии. И предвосхищает мысленно то время, когда критики и исследователи творчества всё выведают о его жизни. Вплоть до имён врачей, которые его лечили. «А вот то, как я видел небо, никто разузнать не сможет», – резюмирует поэт. Не зря часто говорят: «Тайну своего творчества он унёс с собой». Есть у поэтов свои «секреты навсегда». Только проницательные читатели и спутники жизни могут догадаться о главном, да и то не всегда. Но это ещё не всё. «Я сам не мог об этом рассказать», – признаётся Елагин. Не всё увиденное и прочувствованное удаётся без потерь перенести в творчество. Естественно, как могут другие понять то, что осталось загадкой для самого поэта? Иван Елагин, в сущности, говорит о невозможности научно объяснить тайну творчества. И это – достаточно радикальный взгляд поэта на литературоведение.

Я в каждое моё стихотворенье
Укладывал, по мере сил своих,
Моё дыханье и сердцебиенье,
Чтоб за меня дышал и жил мой стих.

Впрочем, Елагин существенно помог, на мой взгляд, исследователям своего творчества. Во-первых, тем, что целенаправленно составил сборник стихов гражданской тематики. Этот сборник – «Курган» – вышел уже после его смерти. Я рецензировал эту книгу и могу отметить, что поэт сгруппировал в одном пространстве самые пронзительные стихи о репрессиях и «культе личности». Конечно, это облегчает задачу исследователя. Во-вторых, Елагин сам

обозначил основные темы своего творчества, когда отвечал на вопросы в анкете. Об этом рассказывает замечательная поэтесса Валентина Синкевич, к сожалению, покинувшая нас в прошлом году. Какие же темы своего творчества очертил поэт? «Гражданская тема; беженцы и война; ужас перед машинной цивилизацией; раздвоенность одной души в двух мирах; тема ахматовского «Реквиема»; переключение эпического сюжета в лирический план; эскапизм; «сквозная» тема искусства; урбанистическая фантастика; частично – «налёт» сюрреализма (гротеск)». Даже беглого перечисления этих тем достаточно, чтобы уяснить широту творческого поиска этого удивительного художника слова. Правда, не все обозначенные Елагиным темы действительно являются «темами», в изначальном смысле этого слова. Скажем, сюрреализм – это не тема, а направление; переключение эпоса в лирику – это уже драматургия произведения. И т.д. Но не будем придираться к словам. Елагин хорошо понимал, что и как он делает. Он ведь был – страшно сказать! – поэтом в третьем поколении! Вот он, например, создаёт удивительный образ «сборки-разборки» человека:

Человека на сто черепков
Время ломает сразу,
А потом в течение веков
Собирают его, как вазу.

Отсюда же проистекает и елагинская концепция «анти-Диогена». Ну, найдёшь ты с фонарём человека. Но это – дело заведомо зряшное. Вчера это был один человек, сегодня – другой, а завтра – третий, несколько не похожий на двух предыдущих. Собрание цельного человека «из черепков», на мой взгляд, для Елагина – одна из стадий той же самой «философии общего дела» Николая Фёдоровича Фёдорова, знаменитого библиотекаря.

Стихов о любви у Ивана Елагина не очень много, но они тоже впечатляют.

Отпускаю в дорогу, с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем обманывающим и сулящим,
По которым мы жизни тащим.

Отдаю и реке, и саду,
И скамье, где с тобой не сяду,
И кусту отдаю, и оврагу,
И траве, где с тобой не лягу,
И предутреннему перрону,
Где, прощаясь, тебя не трону.

Творческое наследие Ивана Елагина очень разнообразно. В нём много стихов, разоблачающих репрессии 30-х годов, есть стихи о возвращении с войны и зализывании нанесённых войною ран:

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
И на путях дымятся груды шпал,
И проволока вянет на заборе.

.....

Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится – и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Это, на мой взгляд, маленький шедевр большого поэта. Антивоенная направленность стихотворения очевидна. Мирные люди устают от продолжительных и кровопролитных войн, рушащих города и семьи. Гуманист Елагин рисует мистическую картину победы жизни над смертью. Это как в убыстренной киносъёмке – город словно бы очнулся от многолетнего забвения. Поэт пишет просто и доходчиво, но некоторые образы поражают воображение. «Мост, упавший на колени», «становятся дома на костыли». Есть в стихотворении Елагина место и сентиментальности – мать открывает двери «мальчику седому». Он вернулся! И вместе с ним возвращается к мирной жизни и большой город.

Иван Елагин прожил не очень длинную, но насыщенную яркими событиями жизнь. Судьба не особенно баловала поэта и на чужбине. Он трудился разнорабочим, прежде чем стать профессором. Помогли стать на ноги переводы. Особенно – знаменитая история с «возвратным» переводом с английского на русский стихотворения Бориса Пастернака «Я пропал, как зверь в загоне...». Елагин пережил измену любимой женщины. Побывал в серьёзной автокатастрофе. Уже смертельно больной, в своих последних стихотворениях, он не теряет силу слова. Посмотрите, как свежи его составные рифмы в стихотворении о Гоголе: *«И это Гоголь наших бед, / За ним толпятся избы ведь / И тройка мчит, чтоб целый свет / Из-под копыт забрызгивать, // Или затем, чтоб высечь свет, / Копыта сеют искры ведь! / О Русь, какой ты дашь ответ / На Гоголеву исповедь?»*.

На чужбине поэт почти не был подвержен ностальгии. «Единственное, чего мне не хватает на Западе, это русского окна с крестом посередине», – признавался он. Но, может быть, именно

потому, что ностальгии было не так много, ему удалось написать, пожалуй, самое ностальгическое стихотворение во всей эмигрантской поэзии:

Мне не знакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей – давно оставленной – России
Мне не хватает русского окна.

Оно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно –
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Иван Елагин издан на родине. Но пока, как мне кажется, не прочитан. «О сколько нам открытий чудных...». Надо только довериться «страдательному залогу» этого человека.

Здесь чудо всё: и люди, и земля,
И звёздное шуршание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя –
Нет в мире ничего обыкновенней.

В сущности, это прощание поэта с «яростным и прекрасным» миром. Вспоминаются крылатые строки Есенина: «В этом мире умирать не ново. Но и жить, конечно, не новей».

Вторая книга Елагина называлась «Ты, моё столетие». Иван Елагин заслужил своё столетие – талантом и жизнью. Его нонконформизм не получил, на мой взгляд, должного продолжения в современной поэтической жизни. Хотя, конечно, есть «непримиримые» барды-рокеры, Шевчук и Макаревич, есть Дмитрий Быков. Есть великолепный Александр Кабанов. Возможно, это и не дело эмигрантов нового поколения – критиковать политическую жизнь в метрополии. Иногда сподручнее это делать тем, кто постоянно проживает на территории страны или хотя бы в ближнем зарубежье. Но, на мой взгляд, поэты могут высказаться о своём отношении к поведенческой модели российского государства, которая мало меняется с течением времени. И, конечно, поведать о жизни в странах своего нового обитания. Вся Америка, например, взбудоражена после избрания президентом Дональда Трампа, и отношение к его политике – неоднозначное. Конечно, хотелось бы услышать обо всём этом не на уровне кухонных пересудов, а в поэтических строчках – написанных так же яростно и талантливо, как это делал в своё время Иван Елагин.